

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ МАЙКА ОМЕРА

Внутри убийцы	Пламя одержимости
Заживо в темноте	Тринадцатая карта
Глазами жертвы	(повесть)
Как ты умрешь	Странные игры
Сеть смерти	Фейри-профайлер
Дом страха	Фейри-убийца
Гибельное влияние	Агент Тьмы
Скрытые намерения	Полукровка из Дома Ужаса

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «ВНУТРИ УБИЙЦЫ»

Виктор Метос «Жена убийцы»	Изабелла Мальдонадо «Високосный убийца»
Виктория Селман «Границы безумия»	Ребекка Дзанетти «Одиннадцать подснежников»
Мэри Бёртон «Последний ход»	Аманда Кайл Уильямс «Профиль незнакомца»
Виктор Метос «Ночные твари»	Си Джей Абазис «Цепи рая»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»	Ребекка Дзанетти «Черные георгины»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»	Лайза Рени Джонс «Записки убийцы»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»	Ребекка Дзанетти «Смертельно фиолетовый»
Виктор Метос «Лживая правда»	

МАЙК ОМЕР
ЗА СПИНОЙ

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-57

Mike Omer
BEHIND YOU

Text copyright © 2024 by Michael Omer.

All rights reserved. This edition is made possible under a license
arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Омер, Майк.

О-57 За спиной / Майк Омер ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225245-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Дружеская вечеринка на Хэллоуин закончилась трагедией. И семнадцатилетней Теодоре Бриггс пришлось бежать из дома. Сменив имя на Джемму, она прожила тринадцать лет в Чикаго, где стала преуспевающим косметологом, вышла замуж и родила сына. Но боль от душевной травмы постоянно давала о себе знать...

И вот фантомная боль становится реальной. Внезапно один за другим к Джемме начинают приходиться незнакомцы — и все они, кажется, знают ее. Называют настоящим именем и делают зловещие намеки на трагедию, из-за которой та бросила отчий дом. Джемма в ужасе. Ведь сама она толком не помнит, что случилось той ночью... Понятно одно: все эти люди выполняют чьи-то задания. Того, кто все время стоит у нее за спиной и хочет ее уничтожить. Но кто это?

Она должна вычислить его...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Лисочкин А., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225245-7

Глава 1

27 ноября 2010 года,
Крамвилл, Джорджия

Тео неподвижно лежала в своей постели, не сводя глаз с циферблата часов. Секундная стрелка плавно бежала по кругу, отсчитывая ход ночи. Почти что пора. Три пятьдесят семь пополуночи, для некоторых — практически утро. Тео попыталась представить себе тех, кто прямо сейчас тоже не спит. Разносчиков газет. Всех, кто работает в ночную смену, — медсестер, врачей... Копов.

Копы... Разъезжающие в патрульных машинах. Якобы охраняющие нас, оберегающие от всяческого вреда. Тео стиснула зубы. Она знала правду. Ни от чего эти копы не оберегают — они приезжают лишь после того, как вред уже причинен, если вообще приезжают. И когда появляются, то отнюдь не для того, чтобы кого-то обезопасить.

Вот уже и три пятьдесят восемь.

Теплое одеяло было мягким, успокаивающим. Но это тоже ложь. Кровати — коварнейшие из обманщиц. Ты лежишь в постели и думаешь, что завтра все будет лучше. Что с восходом солнца вокруг станет светлее. А когда засыпаешь, приходят сны, нашептывая всякие выдумки: будто ты — это не ты, а кто-то еще, или что ты умеешь летать, или что все тебя любят. А потом, когда просыпаешься, в течение одной капризной секунды напрочь не помнишь того, что случилось вчера или

на прошедшей неделе. Чувствуешь лишь это теплое одеяло, этот мягкий матрас, и мир представляется почти благополучным и безопасным.

А потом реальность лавиной обрушивается тебе на голову, лишая дыхания, срывая с тебя паутину иллюзий. Новый день ничем не лучше остальных. Пожалуй, даже еще хуже. И ничего с восходом солнца не становится светлее.

Тео больше не велась на эту ложь, порождаемую постелью. Больше не позволяла сну овладеть собой.

Три пятьдесят девять.

Она следила за продвижением секундной стрелки, прислушиваясь к звукам дома. К еле слышному гудению холодильника внизу. К глухому постукиванию, когда ветер раскачивал большой вяз и его ветка касалась стены. К храпыванию Ричарда — приглушенному, но все-таки хорошо различимому. Мама иногда пошучивала насчет его храпа, хотя, честно говоря, ничего смешного тут не было. Как она могла спать рядом с источником таких громоподобных звуков?

Тео прислушалась внимательней, пытаясь уловить, не слышно ли чего-нибудь еще. Может, проснулась мама, чтобы попить водички, к примеру. Или Ричард пошел в туалет, как иногда случалось по ночам. Но так ничего и не услышала. Ничего, что могло бы ее остановить. И вот теперь какой-то новый звук. Стук ее собственного гулко бьющегося сердца.

Ровно четыре утра.

Она тихо выскользнула из постели, коснувшись босыми ногами пола. Уютное черное худи и свободные серые брюки уже были на ней — невзрачный наряд, который Тео тщательно выбрала накануне, зная, что ранним утром будет очень холодно. Потом достала из-под кровати кроссовки с вложенными в них скотканными носками. Носки были единственной яркой деталью одежды, которую она себе позволяла, — ее любимые розовые носочки с веселеньким узором в виде кошечек. Они всегда дарили ей чувство уюта и спокойствия,

а спокойствие и уверенность в себе требовались ей сейчас больше всего на свете. Натянув на ноги носки, туфли она взяла в руку.

Быстрый взгляд в зеркало. На ее бледном лице ясно читалась усталость. Наспех собрав свои длинные каштановые волосы в хвост на затылке, Тео спрятала их под капюшон худи. Капюшон натянула на лоб, скрыв большую часть лица и едва различая в тусклом свете ночника свои карие глаза и потрескавшиеся губы. На улице, тем более издалека, ее вообще никто не сумеет узнать. Хорошо.

Дверца стенового шкафа уже была открыта. Она терпеть не могла ложиться спать с открытым шкафом, но этой ночью и не собиралась спать. И эта дверца всегда скрипела, когда ее открывали. Схватив сумку, которую собрала вчера, Тео забросила ее на спину. Жаль, что нельзя было взять побольше вещей. Она так много чего оставляла здесь — одежду, книги, художественные принадлежности и альбомы для рисования... Весь свой мир.

Хотя и не только это. Позади оставались еще и обвинения, ненависть, неверие, насилие и предательство.

А принадлежности для рисования всегда было можно купить.

Переложив туфли в левую руку, она стала медленно, как уже отработала накануне, поворачивать ручку двери своей спальни. Когда та повернулась до упора, осторожно открыла дверь. Эта дверь, как и дверца ее шкафа, тоже скрипела. Тео раньше и не осознавала, сколько вокруг скрипящих дверных петель, потрескивающих половиц, стонущих кроватных пружин... Всех этих враждебных предметов — доносчиков-стукачей, закладывающих ее.

Она немного выждала, затаив дыхание и готовая услышать мамино бормотание: «Теодора, это ты?» Но сумела различить лишь несмолкаемый храп Ричарда. Этот храп был ее единственным союзником в этом доме.

Тео в последний раз оглядела свою комнату. Свою вероломную кровать. Зеркало, в которое смотрелась каждый день, от-

чаянно пытаюсь замазать подростковые прыщи и пригладить волосы. Свой рабочий стол, за которым рисовала и делала домашние задания. Фиолетовое кресло-мешок, навеки запечатлевшее отпечаток ее тела. Шеренгу томиков японских комиксов манга на книжной полке... Эта комната была ее единственным убежищем. Не *безопасным* убежищем, потому что нигде по-настоящему не безопасно. Но все-таки своего рода убежищем.

Тео бросила взгляд на свой телефон, оставленный на столе. Последние пять дней тот был выключен. Сколько уведомлений она получит, если включит его сейчас? Пятьдесят? Сто? Тысячу? Сколько ждет ее текстовых сообщений, в которых ее призывают гореть в аду, называют психованной сучкой, обещают отомстить... Сколько грубо отфотошопленных фоток в публичных чатах, на которых она якобы сидит за решеткой, или висит в петле, или даже что-нибудь похуже? Сколько ярых пожеланий загнуться от рака или попасть пожизненно в тюрьму, где ее каждый день будут «хором» насиловать зэки?

К этому времени телефон казался ей ядовитым, словно чан с едкой кислотой. Еще одной вещью, от которой Тео была только рада избавиться.

Она на цыпочках направилась к лестнице, приближаясь к спальне мамы и Ричарда. План состоял в том, чтобы как можно быстрее миновать открытый дверной проем. Не было никаких причин задерживаться там. Но Тео поймала себя на том, что замедляет шаг. Заглядывает внутрь. Бросает туда последний взгляд.

Ричард лежал на левой стороне кровати, отвернувшись от двери; лысина у него на макушке едва проглядывала в полутьме. Но маму, лежащую лицом к окну спальни, было легко разглядеть в мягком лунном свете, падавшем из него. Тео не унаследовала внешность своей матери, и как-то раз случайно услышала, как ее тетя посетовала на этот факт. В свои сорок лет ее мать все еще оставалась красавицей. «Милфа» — восхищенно именовал ее Стив, друг Тео, ничуть

не смущаясь тем, что говорит такое дочери этой самой милфы¹.

Даже во сне ее мать слегка хмурилась. Словно обеспокоенная будущим дочери. Будущим семьи. Тем, что говорят соседи. Тем, сколько берет в час хороший адвокат по уголовным делам и могут ли они себе это позволить. Будто гадая, где же допустила ошибку.

Наблюдая за ней, Тео вспоминала все то время, что они проводили вместе. Как мама отвозила ее в школу, желала ей хорошего дня. Как обнимала ее, когда она плакала. Как нежно расчесывала ей волосы. Как кричала на нее, когда Тео прогуливала уроки. Как приказывала ей положить этот чертов телефон на стол за ужином. Как представила ей Ричарда, а потом плакала, потому что Тео первым делом нахамила ему. Как купила ей велосипед, о котором давно мечталось, — сделала такой вот неожиданный сюрприз. Как пила вино по вечерам, уставившись в стену, после того, как ушел папа. Хорошие воспоминания, плохие воспоминания... Воспоминания о маме. Тео сделала бы все, только чтобы эти воспоминания были единственными воспоминаниями о матери, которые у нее остались.

Но теперь были и другие. Испуганное лицо мамы, когда она забирала Тео из отдела полиции... Шипящий мамин шепот, когда она пообещала Тео, что они еще поговорят дома... Мрачный вид мамы, сидящей рядом с Тео, пока детектив Данн допрашивал ее...

И, наконец, самое ужасное воспоминание из всех, из-за которого Тео и начала планировать свой побег — тот момент, когда мама вошла в ее комнату и присела на кровать рядом с ней.

— Теодора, — строго произнесла она. — Я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Что произошло той ночью?

¹ Прижившееся и в русском языке словечко «милфа» на самом деле представляет собой интернет-акроним MILF, который расшифровывается как «Mother I'd like to fuck» («Мамаша, которую я бы трахнул»), так что комплимент это и вправду довольно сомнительный. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Я уже тебе говорила, — ответила Тео. — Сто раз уже повторяла!

Мама нетерпеливо покачала головой.

— Если ты не скажешь мне *правду*, мы не сможем защитить тебя. Что там *на самом деле* произошло? Почему ты это сделала?

И тут Тео поняла, что единственный человек, который еще оставался на ее стороне, переметнулся во вражеский окоп.

...Она глубоко вздохнула и отвернулась, уже жалея, что остановилась у двери ради этого последнего взгляда. Спустилась по лестнице и направилась напрямиком в кабинет Ричарда.

Когда-то эта комната была «мужским логовом» ее отца, где тот держал свою коллекцию пластинок и небольшой мини-бар. Здесь стоял письменный стол, запертые ящики которого намекали, что внутри спрятаны какие-то чудесные или же ужасные вещи. Даже еще маленькой девочкой Тео была очарована этой комнатой, ее так и тянуло к ней. Она до сих пор помнила ее запах, столь не похожий на запах всего остального дома. Запах табачного дыма, кофе и пыли. Тот, что больше всего на свете напоминал ей об отце. Манящий аромат чего-то запретного.

После ухода отца мама превратила эту комнату в кладовку, радостно заполнив ее всем сломанным и ненужным. А когда к ним переехал Ричард, была более чем счастлива позволить ему использовать эту комнату в качестве домашнего офиса. Он навел в ней порядок, заполнил папками, бумагами, печатными бланками и всем прочим, что требуется бухгалтерам. Из очаровательной, таинственной комнаты та превратилась в самую скучную и серую комнату в доме.

За исключением стенного сейфа.

Сейф был новым, установил его Ричард. Здесь он держал свой пистолет, а ее мать — свои самые дорогие украшения. И, что более важно, в нем еще и хранились наличные деньги.

Тео знала код замка. Знала наизусть, поскольку ей уже и самой надоело слышать, как мама и Ричард регулярно перекрикиваются между собой.

— Ричард, повтори еще разок, какая тут комбинация? — раздраженный крик из кабинета.

— Три, семь, один, один, — монотонный ответ Ричарда из кухни или гостиной.

— Не открывается!

— Три, семь, один, один. Тебе нужно, чтобы я подошел и...

— О, готово — открылся.

Снова и снова, до потери пульса, как минимум раз в две недели.

Теперь Тео с колотящимся сердцем присела перед этим сейфом на корточки. При нажатии кнопки электронного замка довольно громко попискивали — сейчас этот звук разнесется по всему этажу, потревожив беспокойный сон матери. Будь на то ее воля, Тео проделала бы это заранее. Но вот точно не знала, когда и как часто Ричард открывает сейф и проверяет его содержимое. Насколько ей было известно, он проделывал это каждый вечер перед сном. Так что пришлось заниматься этим сейчас.

Она стала нажимать на кнопки — каждая издавала пронзительный писк, заставляя ее вздрагивать, а сердце пропускать удар. Когда вдавила последнюю, ничего не произошло. Они что, сменили код? Теперь, когда Ричард и мама больше не доверяли ей, — теперь, когда они знали, на что Тео способна...

Сейф с жужжанием открылся.

Она замерла, прислушиваясь. Мама уже спускается сюда? Пошла проверить, что это за шум?

Нет. Ничего.

Тео достала из сейфа пачку банкнот. Еще не зная, сколько их там. Перебрала купюры, увидев сотенные и пятидесятки. Пожалуй, где-то две тысячи — а может, и все три тысячи долларов. Целое состояние. И едва не положила часть денег обратно.

Но они ей понадобятся. Она знала это, погуглив, сколько стоит ночь в мотеле, во сколько обойдется даже самая дешевая квартира. Если добавить расходы на трехразовое питание, предметы первой необходимости, транспорт...

Вообще-то сомнительно, что даже таких денег на все это хватит.

Вытащив из сейфа мамины бриллиантовые серьги, Тео держала их на вспотевшей ладони. Мама всегда говорила, что они безумно дорогие. И это был подарок от папы — мама их даже больше не носила. Можно было бы заложить эти серьги — сейчас в руке у Тео лежал как минимум месяц безбедной жизни.

Но что бы ни думали о ней мама и Ричард, она никогда не зашла бы так далеко. Кроме того, украденные серьги могла обнаружить полиция. «Не могли бы вы сказать нам, кто их заложил, сэр? Подросток? Их заложил *вот эта* девушка? Ну да, мы ее ищем. Она подозревается в совершении тяжкого преступления. Какого преступления? Я не имею права разглашать подробности. Но это было убийство».

Тео положила серьги обратно в сейф и аккуратно закрыла дверцу. Убрала наличные в сумочку, предварительно отделив две купюры и сунув их в карман.

Десяток шагов — и она у входной двери. Осторожно отперла ее, затем чуть приоткрыла, и от холодного воздуха у нее перехватило дыхание. Ах да, пальто! Тео схватила его и вышла на улицу, закрыв за собой дверь. Ну вот, вроде и всё.

Ее велосипед был спрятан за кустом во дворе перед домом. Она выкатила его на дорогу, вскочила на него и сразу навалилась на педали, пытаясь согреться. Капюшон натянула на голову, спрятав под него свои длинные волосы. Открытыми ледяному ветру оставались лишь лицо и пальцы, вцепившиеся в ручки руля. Ветер обжигал кожу, заставив пожалеть, что теплые перчатки остались дома. О скольких еще не прихваченных с собой вещах она пожалеет до конца дня?

Знакомые улицы налетали на нее, пока Тео изо всех сил накручивала педали. словно выталкивая ее из дома, призывая поскорей оставить это место позади. Неряшливые дворики, плоские дома из красного кирпича, старые машины... Она не станет скучать ни по чему из этого.

От Крамвилла до выбранной ею автобусной станции на окраине Огасты — семнадцать миль езды. Когда ее туда отвозила мама, это занимало минут двадцать. Ей не разрешали ез-

дить так далеко на велосипеде, и мать частенько рассказывала ей о двух ужасных авариях, которые произошли с велосипедистами на этой дороге. Один из них погиб, а другой до конца жизни был прикован к инвалидному креслу. Впервые Тео проехала этим маршрутом на велосипеде неделю назад, пропустив школу. Когда только начала планировать свой побег. С тех пор она проделала это еще дважды и теперь знала, что дорога займет у нее примерно час и десять минут.

Но это днем.

Ночью здесь было очень темно. Ей пришло в голову, что черное пальто, черное худи с надвинутым капюшоном и темно-серые брюки — не самый подходящий наряд для этой поездки. Тео выбрала такую одежду, потому что не хотела, чтобы ее заметили. И теперь понимала, что ее могут даже просто не увидеть. Единственный грузовик с усталым водителем за рулем — и она станет третьей по счету историей об ужасном ДТП.

Каждый раз, когда мимо проскакивала какая-нибудь легковушка, Тео с гулко колотящимся сердцем резко сворачивала на обочину. Все ждала, что кто-нибудь притормозит, окликнет ее, укажет на то, что ехать без света небезопасно. Но никто этого так и не сделал. И в самом деле: кто станет останавливаться, чтобы встретиться один на один с каким-то мутным велосипедистом с надвинутым на лоб капюшоном посреди ночи? Особенно после недавних событий, связанных с насилием, которые потрясли весь город. Иллюзия безопасности рассеялась. Люди могут быть опасны. Даже смертельно опасны.

После бессонной ночи поездка на велосипеде ранним холодным утром заняла у нее почти полтора часа, в результате чего Тео опоздала на автобус, на который планировала сесть. Следующий отправлялся только через сорок пять минут. Нервы у нее были уже на пределе. Ей всё казалось, что все вокруг смотрят на нее, гадая, кто она такая. А вдруг мимо проедет кто-нибудь из копов? И заметит девчонку-подростка, которой тут явно нечего делать? Заинтересуется, позвонит коллегам...

Велосипед она оставила в переулке, не заперев его на цепь и полагаясь на то, что мелкое ворье из Огасты позаботится

о нем и заставит исчезнуть. А затем перешла дорогу и зашла в только что открывшийся «Старбакс». Ей требовалось что-нибудь горячее. И требовался кофеин.

Не сбросив с головы капюшон, Тео заказала у сонной бариста большой ванильный латте, подумав при этом, что эту девушку позже будет допрашивать полиция.

— Имя? — устало спросила та, приготовив фломастер, чтобы записать его на бумажном стакане.

Тео — Теодора Бриггс — была готова к этому вопросу. Даже до событий последнего месяца она частенько мечтала сменить имя. Ни «Теодора», ни даже уменьшительное «Тео» ей никогда не нравились... Пришло время начать все с нуля.

— Джемма, — ответила она. — Меня зовут Джемма.

Глава 2

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ,
ХАЙЛЕНД-ПАРК¹, ЧИКАГО

— Мамочка...

Джемма резко открыла глаза и буквально через секунду уже сидела в постели — тело непроизвольно отреагировало на едва слышный зов. Сунув ноги в тапочки, она вышла из спальни.

— Мамочка...

— Уже иду, зайка, — негромко отозвалась Джемма, чтобы не разбудить Бенджамина.

Прошаркав по короткому коридорчику на втором этаже, она вошла в комнату Лукаса. Тот сидел на кровати, почесывая руку, — светлые волосы взъерошены, глаза сонные.

— Чешется, — пробормотал он.

— Да, ничего страшного. Ложись, сейчас я намажу тебя лосьоном.

— Ладно.

¹ Хайленд-парк — «спальный» пригородный район Чикаго на самом берегу оз. Мичиган, типичный уголок «одноэтажной Америки».

Флакон с лосьоном для тела стоял на прикроватном столике. Джемма отвинтила крышку. Флакон был почти пуст. «Не забыть бы пополнить запасы...» Подхватив немного двумя пальцами, она привычными движениями намазала Лукасу руки. Стоило ей это сделать, как он принялся расчесывать живот. Джемма осторожно убрала его руку.

— Подожди секундочку, зайчик, хорошо?

Лукас сонно кивнул. Закончив наносить крем ему на руки, она принялась намазывать ему живот, затем ноги. Это был их ночной ритуал. Джемма уже к этому привыкла. Доктор Кауфман уверял ее, что атопический дерматит¹ ее сына, скорее всего, ослабнет или даже полностью сойдет на нет. Пока что никаких признаков этого не имелось. В последний раз, когда они были у Кауфмана, она практически кричала на него, говоря, что им нужно лечение получше, чем этот чертов лосьон. Неужели он не видит, как страдает ее сын? Чем больше Джемма повышала голос, тем более отстраненным выглядел Кауфман. Тон его стал покровительственным, претенциозным. Он использовал слово «статистически» как оружие, вновь и вновь обрушивая его ей на голову.

Джемма сказала Бенджамину, что им нужно сменить врача.

Она обработала лосьоном шею и за ушами, затем перешла к лицу. Очень осторожно намазала его покрасневшие щеки, кончик носа, похожего на пуговку, лоб над длинными ресницами.

— Повернись-ка, — шепнула она.

Лукас послушно перевернулся на другой бок, уже наполовину засыпая, и Джемма задрала ему рубашку, чтобы нанести еще лосьона на спину. Затем провела пальцами ему по позвоночнику, зная по опыту, что это самый быстрый способ погрузить его в глубокий сон.

Ее взгляд метнулся к часам в виде кролика, стоящим на книжной полке. Половина шестого утра. Вот же гадство...

¹ Атопический дерматит — хроническое воспалительное заболевание кожи аллергической природы, обычно проявляющееся в раннем детском возрасте.